

субъективность — феноменальную телесность, или «воспринимающее тело» — в качестве единства переживаемых актов чувств, «видения» и «видимых» вещей.

Феноменальное тело отсылает к психосоматическим структурам сознания и является языковым. Тело — это символическая система, открытая трансценденции. Оно оглашает двигательную сущность человека, претворяет звуковые фонемы в стиль произношения определённого слова и «задаёт» коммуникацию, т. е. является её базовым условием. Однако потенциал феноменальной телесности определяется разнообразием предметных возможностей окружающего мира, т. е. обусловлен структурой и порядком культуры. На этом основании можно говорить о преодолении противоположности имманентного и трансцендентного подходов к осмыслению коммуникации.

Итак, философия даёт теоретическое осмысление коллизий коммуникативного опыта человека в мире повседневности. И, как нам представляется, коммуникативные модели, о которых было сказано выше, имеют место в наши дни. Однако их структура и форма сегодня меняется. Этому способствует развитие коммуникативных технологий и изобретение новых медиумов общения. В результате таких трансформаций меняется всё существо самого человека, его «внутренний» и «внешний» облик.

Коммуникативное существование современного человека реализуется в пространстве пересечения двух секторов повседневной жизни: «непроблематичного» (коммуникация, ориентированная на исполнение «заданных» посредством аудиовизуальных медиумов моделей поведения) и «проблематичного» (коммуникация, ориентированная на непосредственное самовыражение). Коммуникация как способ существования человека, таким образом, включает в себя два уровня — «нормированный» и «ненормированный» — и выстраивается на границе двух трансцендентальных порядков — «социального» и «индивидуального».

Л. А. Мясникова
Екатеринбург

ОБЩЕСТВО ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ: НАДЕЖДЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Множество веков человечество тосковало об обществе, где основой будет свободная индивидуальность. Наиболее ярко ценность индивидуальной свободы выражена в либерализме. Демократия тоже учитывает равные права всех граждан, равные права индивидов. Соборное общество как идеал русских религиозных философов конца XIX — нач. XX вв., как и социальность «коммунитас» В. Тернера, предполагают свободное единение индивидов, где общее и конкретное, социальное и индивидуальное — неразрывны. Коммунизм также объявляет «богатую индивидуальность» высшей ценностью общества. Столь различные, социальные, политические течения и учения объединяет идея «блага каждого» как основы «блага всех». Борьба за индивидуальную свободу потребовала мно-

гих жертв: жизнями, судьбами люди платили за право быть индивидуальностями и за свободу.

Пожалуй, лишь во второй половине XX в. эйфория от сладкого слова «свобода» сменяется тревогой и сомнениями. Экзистенциалисты, неотрейдисты, да и философские антропологи задумываются: не является ли свобода бременем, грузом? Почему люди бегут от свободы? И хотя социальная критика (Г. Маркузе) и поздний психоанализ (Э. Фромм, А. Адлер и др.) все еще ратуют за свободу, но проблемность индивидуализированного общества уже дает о себе знать. Индивидуализированная свобода сопровождается не только снижением социального надзора, зависимости, но и уменьшением социальных гарантий и льгот. «Порядок может унижать, но также может и защищать» [1, 28], — повторяет слова Р. Сеннетта З. Бауман. Отказ от контроля со стороны общества, от системы, где индивиду дают или не дают права, обнаруживает, «а знаешь, в слове «дают» / какой-то страшный уют» (Д. Андреев). Тем не менее, идеал общества свободных индивидуальностей не исчез.

В 80-е гг. XX в., анализируя массового человека в своей знаменитой работе «В тени молчаливого большинства» Ж. Бодрийяр предрекает конец социальности; А. Турен констатирует конец человека «как социального существа, укрывшегося в берлоге своего места в обществе, которая определяет его поведение и действия» [1, 29]; М. Фуко еще более радикален в идее «конца человека» как субъекта личности, индивидуальности. В 90-е гг. Ф. Фукуяма отваживается на провозглашение «конца истории», ибо гегелевская формула: «История есть прогресс познания свободы», стала реалией жизни. «Беспрецедентная свобода, которую общество предлагает своим членам пришла, как давным-давно предупреждал Леви-Стросс, вместе с беспрецедентным бессилием» [1, 30].

З. Бауман говорит об «индивидуализированном обществе», о «текучей современности» как об обществе модернизации, где люди уже не образуют целое, которое больше чем сумма составляющих его частей. На место прочных социальных институтов пришли временные сообщества, подобные «клубам по интересам» (такowymi становятся семья, политические партии, профессиональные объединения и другие социальные институты). Самым прочным из сообществ в конце XX, нач. XXI в. оказалось сообщество потребителей. Можно делать выбор между тем, что именно потреблять, но свободы от потребления, как сути общества симулякров, нет. Общество симулякров, множество знаковых реальностей действительно поглотили индивида-личность, но оставили индивида, вынужденного решать в одиночку свои проблемы. Современный кризис — не только и не столько кризис экономической. Это кризис общества симулякров, общества постмодерна.

Потребление — ярчайшая черта постиндустриального общества связывалась с потребительством массового человека. «Масса перевела потребление в плоскость, где его уровень оказывается показателем статуса и престижа, где оно выходит за всякие разумные пределы или симулируется, где царствует потлач, который отменяет какую бы то ни было потребительскую стоимость [2, 53]. Потребляя все больше и больше, масса разрушала экономику, а вместе с ней и социальность, как и предупреждал Бодрийяр. Масса уже не выступает антонимом индивидуаль-

ности, точнее индивидуности. На место прочного социума пришла социальность контакта, то есть множество временных связей, в которые вступают индивиды.

Уничтожение экономики и социальности, однако, не привело к уничтожению рисков и противоречий. «Риски и противоречия продолжают генерироваться обществом; индивидуализированы лишь обязанность и необходимость справляться с ними» [1, 32]. Свобода юридическая и свобода фактическая, по-прежнему, не совпадают. Ненадежность, неуверенность, небезопасность, непредсказуемость, тревожность, стали чертами жизни современного человека. Недавний лозунг постсоветских людей: «Поменьше работать, побольше зарабатывать», частично реализовавшись, привел через отказ от ценности труда к утрате возможности трудиться. Факторы утраты возможности работать двойки: объективные и субъективные. С одной стороны, — ненадежность компаний, предприятий порождает ненадежность рабочих мест и вознаграждения за труд, (даже если не сократили, то неизвестно, заплатят ли за труд). Модернизация, инновативность (бесконечная погоня за внедрением новаций) девальвировали ценность прочных профессиональных умений и навыков: никто не может гарантировать, что приобретенные и успешно используемые сегодня знания и навыки будут востребованы завтра. Лишаясь рабочего места и достойного вознаграждения, стремясь найти более перспективную работу, люди становятся профессиональными маргиналами. Они часто идут в иные сферы деятельности, существенно отличающиеся от прежней. Но в этих новых сферах их знания и навыки могут раскрыться с новой стороны, что позволяет быстро адаптироваться и выполнять профессиональные функции в новой области. Этому поспособствовало возникновение профессий по созданию симулякров: рекламисты, PR-специалисты, работники СМИ, имиджмейкеры, стилисты, шоумены и т. п. Ярким примером могут служить современные шоу-проекты, типа «Ледниковый период», «Танцы со звездами», «Две звезды» и др., где соединение профессионала и дилетанта, (но из профессионалов в другой области) дает новый зрелищный эффект. Труд приобретает характер сиюминутности: зачем что-то оттачивать и совершенствовать, если завтра может не пригодиться? Сегодня же, — «и так сойдет». «Любая возможность, неиспользованная здесь и сейчас, — это упущенная возможность; поэтому не использовать ее непростительно» [1, 175]. Другой, оборотной стороной явилась утрата профессиональных навыков. Тех, для кого «и так сойдет» становится все больше и больше. Слой профессионалов катастрофически быстро истончается.

Не только К. Маркс в сер. XIX в., но и А. Шюц в конце XX в., описывая человека повседневности, утверждали, что среди всех видов активности, трудовая играет важнейшую роль в конституировании современной жизни, что труд наиболее полно активизирует потенции личности. Однако в конце XX в. на смену «трудящемуся Я» приходит «Я потребляющее», а в начале XXI в. «Я без социальности», то есть Я, потерявшее социальную идентичность.

Ю. Хабермас противопоставлял социальную систему и повседневный жизненный мир как неподлинный и подлинный миры человека, сетовал, что социальность колонизирует повседневность. При утрате социальности, частное жизненное пространство, повседневный мир индивида колонизирует нишу социального. Мир повседневности, как раз и является миром контактов «лицом к лицу». «Ре-

альность повседневной жизни организуется вокруг «здесь» моего тела и «сейчас» моего настоящего» [3, 410]. В повседневности индивид проявляет себя как целостное, а не как фрагментарное Я, но Я не рефлекслируемое. Средством саморефлексии для современного человека повседневности становится не мнение соседей, а навязанный сверху дискурс, рождаемый всевозможными ток-шоу. «В ток-шоу слова и фразы по поводу переживаний, кажущихся интимными и неуместными, произносятся открыто, под всеобщее одобрение, веселье и аплодисменты. Ток-шоу узаконивает публичный дискурс о частных делах» [1, 77]. При этом частное остается частным. Индивид остается со своими проблемами, но узнает, что и у других тоже есть проблемы. Его не учат решению проблем, не учат тому, как следует жить. Но, поскольку, названное воспринимается иначе, чем не названное, происходит осознание себя, дающее иногда силы жить дальше и самому решать свои проблемы. Это и есть современный облик свободы, свободы в обществе без социальности, свободы в индивидуализированном обществе.

1. *Бауман З.* Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008.

2. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.

3. *Шюц А. О.* множественных реальностях / Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2004.

Л. Л. Нерезова, Н. П. Фокин
Екатеринбург

О САМОСОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА (К ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСА СТУДЕНТОВ 2-го КУРСА УГТУ-УПИ)

Авторы настоящего сообщения в середине октября сего года провели опрос двух потоков 2-го курса студентов дневного отделения УГТУ-УПИ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Целью опроса мы ставили мониторинг морально-ценностных элементов самосознания современного студенчества в связи с их отношением к изучению философии, проведя сравнение с результатами, полученными в ходе подобного исследования в 2007 году.

В нашем опросе мы применили анкету, составленную из двух частей, состоящих в отношении взаимодополнительности и конкретизации: первая часть содержит два закрытых вопроса. Они таковы:

1. «Что я ожидаю от завершения учебы в УГТУ-УПИ?»
2. «В каком отношении мне необходимо изучение философии?»

Варианты ответов на 1-й вопрос:

- А) хорошего положения в обществе;
- Б) быстрого продвижения по службе;